

Валерий Сдобняков

В ПРЕДЧУВСТВИИ АПОКАЛИПСИСА

Времена и мнения

Валерий Сдобняков

В предчувствии апокалипсиса

МОФ «Родное пепелище»

2013

ББК 66.3 (2Рос)

Сдобняков В. В.

В предчувствии апокалипсиса / В. В. Сдобняков — МОФ
«Родное пепелище», 2013 — (Времена и мнения)

ISBN 978-5-85480-007-1

В книге собраны беседы главного редактора журнала «Вертикаль. XXI век» Валерия Сдобнякова с известными деятелями русской культуры, науки, политики, производства. Тексты этих бесед, которые раскрывают многие ранее неизвестные подавляющему большинству читателей факты из новейшей истории России, публиковались в самых авторитетных периодических изданиях у нас в стране и за рубежом и неизменно вызывали самый живой интерес у людей, равнодушных к судьбе нашего Отечества.

ББК 66.3 (2Рос)

ISBN 978-5-85480-007-1

© Сдобняков В. В., 2013
© МОФ «Родное пепелище», 2013

Содержание

Счастье редких встреч	6
Литература – это новая действительность, создаваемая человеком	11
В предчувствии апокалипсиса	18
Блокада пронизывает всё моё творчество	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий Сдобняков

В предчувствии апокалипсиса

© В. В. Сдобняков, 2013

© АНО «Вертикаль. XXI век», 2013

© МОФ «Родное пепелище», 2013

Счастье редких встреч

Наконец-то, эта в сущности захватывающая по содержанию и, надо сказать, «внеплановая» книга В. В. Сдобнякова стала реальностью, будет достоянием широкого круга читателей и, несомненно, порадует их.

Начало её закладывалось на моих глазах ещё в первых беседах автора с людьми совершенно неординарными, часто очень известными и знаменитыми, по сути, составляющими гордость и цвет русской нации и родного Отечества. Иначе невозможно, например, говорить о Ю. В. Бондареве – Герое Социалистического Труда, Лауреате Ленинской и двух Государственных Премий СССР, а также – Литературной Премии РСФСР имени А. М. Горького, непосредственном участнике Великой Отечественной Войны.

Человек удивительной скромности и личного обаяния ныне Юрий Васильевич признанный классик отечественной литературы, книги которого изданы миллионными тиражами и переведены на множество иностранных языков. Они послужили сценариями лучших, потрясающих своим эпическим размахом и пронзительной правдой художественных фильмов о великой и самой кровопролитной войне в истории человечества.

Это в полной мере относится и к одному из творцов и свидетелей военно-морского могущества Советского Союза, потомственному моряку, спасителю легендарного русского города-Героя Севастополя во времена либерального безвременья и кошмарного произвола, адмиралу И. В. Касатонову.

К таким же не менее крупным личностям относится и современный учёный-энциклопедист с мировым именем, доктор геолого-минералогических наук В. П. Полеванов. Правда, это лишь часть, хотя, вероятно, и самая значительная, весьма богатой биографии Владимира Павловича. Кроме основного поприща в геологии и личного хобби прекрасного фото-художника, он ещё и довольно известный политик страны. Это как раз В. П. Полеванову, как первому вице-премьеру Правительства Российской Федерации при Б. Н. Ельцине, пришлось в своё время принимать скандальное «хозяйство» печально знаменитого А. Б. Чубайса в Министерстве Госимущества РФ. Естественно, что из-за выраженного патриотизма и искренней любви к Родине – России, В. П. Полеванову, как и министру печати Российской Федерации того времени В. С. Миронову, не суждено было надолго задержаться на правительственном вершине либеральной демократии. В считанные месяцы тому и другому пришлось покинуть свои высокие государственные посты к нескрываемой радости всей псевдодемократии.

Интересной страницей жизни Владимира Павловича стало и его губернаторство в удалённой от столицы России Амурской области Восточной Сибири, богатой заповедными уголками, природными ископаемыми и традициями обитаемых там народов.

Любая встреча с такими незаурядными личностями способна составить счастливейший факт биографии любого человека. А каждое их слово надо буквально ловить, чтобы навсегда сохранить в памяти для себя и потомков. Валерий же Викторович подарил нам не одно или несколько слов, а большие и обстоятельные беседы с ними, затрагивающие многие жизненно важные аспекты Российской истории. Взять хотя бы Ю. В. Бондарева, прошедшего кромешный ад Сталинграда и выжившего там вопреки всему. Там, где погибали тысячами, а счёт погибших шёл на минуты. И выжил-то он только для того, чтобы замечательно поведать о невероятном, беспримерном подвиге солдат, офицеров и генералов героической Красной Армии, сражавшихся с озверелым врагом в тяжелейших условиях открытого, ничем не защищенного пространства руин Сталинграда, где сохраниться было просто невозможно.

Но произошло чудо. Точно такое же, что и с другим, недавно почившим писателем-фронтовиком, Героем Советского Союза, знаменитым разведчиком В. В. Карповым, автором замечательных книг «Полководец», о командующем Южным фронтом в годы войны, генерале армии И. Е. Петрове, и дилогии «Генералиссимус» – о Верховном Главнокомандующем Вооружёнными Силами и Председателе Государственного Комитета Обороны СССР того же периода И. В. Сталине.

С Владимиром Васильевичем произошло ещё интереснее. Пребывая во время войны, в лукаво муссируемом ныне на все негативные лады, штрафбате, и рискуя каждый день погиб-

нуть, он, по личному признанию, думал отнюдь не о смерти, а о том, что опишет увиденное в будущих книгах!

Так и Ю. В. Бондарев вспоминал, как они в Сталинграде, стреляя по фашистским танкам прямой наводкой, вопреки действующей Инструкции и строжайшим приказам командования, предварительно снимали с пушек бронированные щиты, так как они не только демаскировали боевые расчёты, но и мешали быстрой и прицельной стрельбе в обстановке, где решали доли секунды.

Вернувшись годы спустя на место былых жесточайших боёв города-Героя Сталинграда, где они, молоденькие красноармейцы-артиллеристы, стояли насмерть против армады гитлеровских танков и выстояли в величайшей битве мировой истории, Юрий Васильевич не мог поверить своим глазам, что это происходило на крошечном клочке земли, где казалось бы и зацепиться-то было не за что! Вспомнилось то давнее чудо, которое через много лет не только не забылось, а стало ещё очевиднее.

Мне, признаться, очень повезло постоянно наблюдать всю далеко непростую, трудоёмкую и кропотливую работу по созданию законченных бесед с героями В. В. Сдобнякова. В ходе её он всякий раз делился, как и где прошла встреча, сколько она длилась, и что в ней произвело наибольшее впечатление и особенно запомнилось. Все эти детали и другие немаловажные подробности, конечно же, всегда оставались за рамками бесчувственного диктофона. Как, естественно, и авторское мнение о собеседнике. Остановившаяся на нём, Валерий Викторович чаще всего не переставал удивляться обилию наших талантливых самородков, которыми во все века была сказочно богата Русская земля. Да и как не восхищаться ими, когда каждый из собеседников невольно вырастал в глазах автора не из дешёвого пиара крайне сомнительной репутации, а из громады свершённых дел, решённых задач чрезвычайной сложности, которые почти всегда требовали от героя полной отдачи физических и творческих сил, то есть всего себя без остатка. И как не проникнуться состраданием к тому, например, что эмоциональный производственник Р. П. Пацельт, Лауреат Государственной Премии СССР, один из создателей непревзойдённых в мире самолётов-истребителей, с сердечной болью констатирует, что мы утратили не только их, но и не имеющие цены технологии по их созданию. Всё по-вандалистски бездумно уничтожили! И не Главному ли сварщику авиационного завода, кем работал в нём Р. П. Пацельт, не знать об этом?!.. А Рудольф Петрович был не просто им, а творил технические чудеса в своём узко профильном деле тончайшего специалиста, которому они, между прочим, оказались очень кстати при создании боевого самолёта, где сварке его крупных частей и агрегатов, как, впрочем, и в ракетно-космической технике, безо всякого преувеличения принадлежит самая что ни на есть решающая роль.

С первых бесед, задумывавшихся автором как обстоятельные интервью с интересными людьми, и незаметно переросших, что вполне естественно, в большой и серьёзный разговор о пережитом и наболевшем. Причём для него оказались тесны вроде бы широкие рамки универсальной формулы В. В. Маяковского «о времени и о себе», потому что обсуждавшиеся вопросы, порой уносили увлечённых собеседников и в глубину истории России, как это произошло с В. П. Полевановым. Он невольно вспоминал знаменитого губернатора Восточной Сибири царских времён, князя Н. Н. Муравьёва-Амурского, переходил к вековым русско-китайским отношениям с почти неизвестным подвигом Албазина, где 800 казаков этого маленького деревянного острога на далёком Амуре держали несколько месяцев оборону от безуспешно штурмовавшей его армии из 30.000 манджур!

К сожалению, в отличие от знаменитого «Азовского сидения» донских казаков в турецкой крепости Азов в 1637–1642 годы, доблестный героизм защитников маленького деревянного острога на Амуре в 1685 году и с лета 1686 по весну 1687 годов до сих пор не получил широкой известности в стране и незаслуженно забыт.

Как раз первый боевой эпизод действий сибирских казаков по защите Албазина особенно интересен и преподносится официальной историей слишком невыразительно упрощённо:

«В 1685 г. крупный китайский отряд подступил к Албазину. Его гарнизон во главе с воеводой Толбузиным после недолгого сопротивления сдался на условия свободного выхода. Китайцы разрушили этот оплот российского присутствия на Амуре, а затем покинули район...»

Казаки как раз не сдались, а добровольно покинули острог при оружии, в боевом порядке и со знамёнами. И произошло это, то есть такая суровая торжественность выхода защитников из острога, совсем не случайно. Интригующие подробности всех обстоятельств той яркой страницы военной истории Отечества как раз и рассказал В. П. Полеванов, до этого глубоко и всесторонне изучивший, как губернатор и учёный, реальную, а не представляемую кем-то препарированную историю края.

Благородной инициативой Владимира Павловича в городе Благовещенске, был установлен красивый памятник выше упомянутому выдающемуся предшественнику и рачительному хозяину Восточной Сибири, русскому князю-патриоту Н. Н. Муравьёву-Амурскому, всемерно укреплявшему наше присутствие на Российской окраине с закреплением его выгодными двусторонними договорами Русской Империи с Китаем, значение которых не утрачено и поныне.

А между тем галерея интересных встреч Валерия Викторовича всё росла и росла, чему способствовал редкий по уровню и лицам довольно обширный круг личного общения автора. Достаточно сказать, что он вбирал в себя государственных и политических деятелей, учёных, писателей, военачальников и даже видных иерархов Русской Православной Церкви, один из которых как раз и стал ныне её Предстоятелем, Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом (Гундяевым).

Нельзя не отдать должное чуткой продуманности бесед, их стройности и избирательности. Автор как бы пытается по возможности максимально охватить ими многие сферы культурной и хозяйственной жизни страны, а также её прошлого и настоящего. Но главным в любой из таких бесед всё же всегда оставался сам герой со своим внутренним миром, впечатляющим багажом накопленных знаний и личного опыта, независимым мнением и абсолютно самостоятельными и предельно аргументированными суждениями по самым разным злободневным вопросам времени.

Они – это искушённый известностью и славой мудрый писатель и редактор журнала «Слово» А. В. Ларионов; старейший советский поэт и кавалер государственных наград, прекрасный знаток глубинных взаимоотношений в литературных кругах двух столиц О. Н. Шестинский; его отчаянно смелый в обличениях многих неправд жизни, младший питерский собрат В. И. Шемшученко; всегда ровный и невозмутимо сдержанный кладёзь неисчерпаемых исторических и литературоведческих знаний, профессор А. А. Парпара; выросший как крупный инженер в обстановке извечной строгой секретности советского авиастроения, Лауреат Государственной Премии СССР Н. С. Николаев; самобытный художник и крупный общественный деятель В. Г. Калинин и его нижегородский коллега К. И. Шихов... – вроде бы во многом не похожи друг на друга внешне и по характеру, но всех их роднит искреннее служение делу, стране, людям.

Быстрый читательский успех и признание бесед, которые тут же перерастали границы литературного жанра и становились документом русской жизни и эпохи, обуславливался не только выдающимися личностями большинства героев автора. Он в немалой степени обязан незаурядному мастерству самого, теперь уже тоже давно маститого, писателя, редактора и журналиста В. В. Сдобнякова, его необыкновенной способности расположить к себе собеседника и незаметно заставить максимально полно раскрыться, чтобы потом дотошно и не спеша докапываться до самого интересного, до сути. Умело вести длинную тонкую нить разговора, не давая ей ни оборваться, ни ослабнуть.

Немаловажную роль здесь играло и неизменно выявлявшееся родство душ. Некое невидимое глазу единение автора и собеседника, спаянных между собой одной общей болью, переживанием и огромной любовью к своей великой и многострадальной Отчизне. Они, пожалуй, и являлись всегда причиной той, присущей автору, избирательности во всём, о которой упомянуто выше.

С Олегом Николаевичем Шестинским Валерия Викторовича, в отличие от многих других, связывали годы тёплой человеческой дружбы, которая подкреплялась постоянной и живой перепиской двух писателей. Большая разница в возрасте несколько не мешала их регулярному, правда, больше заочному общению. Она лишь рождала трогательную заботливость и отеческое внимание старшего – О. Н. Шестинского к младшему – В. В. Сдобнякову. Зато в любимой области, в литературе, возраст обоих почти уравнивался, несколько не мешая глубоко и заинтересованно вникать в её творческие и теоретические проблемы. Плодотворное общение именитого столичного писателя и его одарённого нижегородского коллеги послужило в последующем изданию интересной книги их переписки «Яблоки русского сада» (2010), к которой Валерия Викторовича, как и в данном случае, тоже пришлось настойчиво подталкивать и чуть ли не принуждать, что как непозволительный метод всё же оправдало себя. Она была сразу же замечена читателем, по достоинству оценена им и очень скоро разошлась по всей России, а также ближнему и дальнему зарубежью.

По мере быстрого накопления бесед становилось ясно, что очевидная важность полученного материала, конечно же, требует собрать их в отдельную книгу, которой, к тому же, вряд ли найдётся подходящий аналог в литературе. Однако в этом ещё, как сказано выше, пришлось долго и настойчиво убеждать автора, который как всегда по личной скромности искренне боялся переоценить свой труд. И вот после преодоления всех колебаний и сомнений замечательная книга увидела свет для пополнения собой сокровищницы современной литературы. Думается, что она, как и всё настоящее, обречена на долгую и счастливую судьбу.

В. Г. Цветков. Историк, член Союза писателей России

Литература – это новая действительность, создаваемая человеком

Солнечный апрельский день. Остатки снега по обочинам и полям «доедает» ранняя в этом году весна. Но здесь, на даче у писателя Юрия Васильевича Бондарева, в теньке под высокими елями да у широких стволов берёз снег лежит ещё сугробисто. Хотя и он попривжат к земле. Не долго ему осталось сопротивляться наступающему теплу.

В просторном, светлом кабинете писателя среди книг, картин, фотографий по-домашнему уютно. Пока Юрий Васильевич на своём аккуратно прибранном письменном столе всё-таки разбирает какие-то бумаги, я оглядываюсь вокруг, привыкаю к обстановке. Оттого, что комнату заливают полуденное солнце, выглядит она весело, празднично. А может быть, это моё внутреннее состояние так меня «веселит». Ведь я сижу в кресле меж тех самых стен, в пространстве между которыми и были написаны «Берег», «Выбор», «Игра», «Искушение»... – романы, которые в 70–80-е годы прошедшего века взбудоражили всю страну. Их читали, по ним ставили спектакли, снимали фильмы. Сколько же здесь, в этом кабинете, было передумано. Сколько принято непростых решений и пережито творческих озарений.

Валерий Сдобняков. Позвольте ещё раз от всего сердца поздравить вас, Юрий Васильевич, с замечательным юбилеем. Уверен, к моим добрым пожеланиям присоединится огромное количество людей – почитателей вашего удивительного таланта. Хотя вы, наверно, уже устали от поздравлений.

Юрий Бондарев. Знаете, хлопотное это дело – юбилей. Только с журналистами пришлось встречаться не один десяток раз. Было снято три фильма для телевидения. Здесь, в этом кабинете, телевизионщики терзали меня вопросами. А ведь я хотел отметить свой день рождения только с несколькими близкими друзьями, в кругу семьи. Но не вышло. К сожалению. От многих же встреч, разговоров, жестикуляций усталость каким-то свинцовым грузом ложится на душу... Ну да ладно. С этим кончено.

В. С. Я из того поколения, которое входило в литературу, посвящало свою жизнь литературному творчеству, находясь под огромным впечатлением от ваших военных повестей «Последние залпы», «Батальоны просят огня», романов «Тишина», «Горячий снег». А затем книгами, которые сказали новое слово в русской советской романистике, – «Берег», «Выбор». Успех этих произведений у читателей был колоссальным. Их содержание пронизывала горькая, но мудрая, жизнеутверждающая правда. Видимо, потому их так любили и с таким упоением читали. Ваши романы оказались определённой творческой вершиной в русской литературе второй половины XX века. А раз так, то я и хочу попросить вас дать своё объяснение, поделиться своим пониманием того, что же это за феномен, без которого, как без воздуха, не может обойтись человечество вот уже многие и многие века, и название которому – литературное творчество, вообще, литература? Когда вас самого впервые вдруг потянуло к писательству? Что послужило толчком к созданию первого произведения? Когда вы осознали, что писательство, то есть создание новой духовной реальности, создание новых человеческих судеб, новых миров их бытия – это ваш путь, ваше предназначение в жизни?

Ю. Б. О литературе можно говорить долго – до бесконечности. Ибо она является основной частью культуры не только нашего Отечества, но и общемировой. Литературу сейчас часто соединяют с кинематографом, меньше с театром и тем самым как бы принижают её, подчёркивают её несамостоятельность в искусстве. Всё это от лукавого. Ведь сейчас даже можно услышать утверждения, что кинематограф не только конкурирует, но окончательно занимает место литературы в культурном пространстве жизнедеятельности человека. На Западе тот расцвет

литературы, который произошёл сразу после Второй мировой войны и затем в 60–70-х годах прошлого века (кстати, в эти же годы и вплоть до 90-го очень сильна была и наша литература, став одной из самых талантливейших и высочайших литератур в мире), сейчас заметно помельчал и катится ещё ниже по наклонной. Об этом вы можете судить по тем редким переводам, которые у нас делаются. Видимо, на тот подъём в литературе, который произошёл у нас на глазах в XX-м веке, большое влияние оказала война. Она всколыхнула мир. А всегда после таких глобальных катаклизмов возникает движение в искусстве. Это непреложный закон. После войн, после общенародных психологических потрясений, связанных с гибельными общемировыми событиями, искусство ускоряет своё движение и завоёвывает новые высоты, что вполне объяснимо. Потому что человеческие чувства в подобных конфликтах обостряются, человек раскрывается какими-то своими совершенно неожиданными сторонами. И когда главные категории человеческой жизни, такие как свобода, мужество, святость, если говорить о душевном состоянии, жертвенность, ненависть, любовь, нравственность и сопротивление несправедливости, начинают иметь главную ценность в жизни, тогда и сам человек начинает многое совершенно по-иному оценивать в себе самом. Если уж говорить совсем высоко, то, по моему убеждению, периоды мировых катаклизмов способствуют побуждению человека к поиску истины. Будят жажду познания истины. Если, конечно, под истиной понимать именно высокую человечность – сохранение свободы и безопасности, защиты от несправедливости. Поиск истины – это необходимое состояние для сохранения человека как феномена и носителя жизни на земле. Что, к сожалению, не всегда точно понимает политика. Хотя она в идеале тоже должна заниматься человеком, его усовершенствованием, в том числе за счёт изменения, улучшения его отношений с внешней жизнью. Это главная задача политики.

В. С. Человек ещё и духовен. И все проблемы, возникающие в его сердце, идут от духовных смут, духовной неустроенности и духовных заблуждений.

Ю. Б. О чём я говорил – и есть духовные составляющие человеческой жизни. Мужество, любовь, самопожертвование – это духовные качества. Они же – самое главное, что питает совесть, нравственность. Ведь нравственность без духовности невозможна. Без нравственности немислимо самопознание и усовершенствование человека, о чём всегда, кстати, говорил Лев Николаевич Толстой. А это был великий философ, несмотря на то, что часть нашей интеллигенции, в том числе и творческой, не согласна с его выводами и мировоззренческой концепцией. Они, может быть, и правы, но только в одной части – то, что касается его взглядов о непротивлении. На мой взгляд, непротивление является просто грехом. Потому что и Господь говорит об отмщении. Помните – «Мне отмщение и аз воздам». Но мы сейчас не будем углубляться в философию Толстого. Скажем лишь, что нет литературы без писательского опыта, без памяти и воображения. Вот три главных субстанции, составляющие само понятие «литература». Если есть опыт, но нет воображения – то нет и литературы. Если есть воображение, но нет опыта – то тоже литературы нет. В таком случае написанные произведения становятся или риторическими, или слишком отвлечёнными, слишком практическими, не вдохновлёнными. Если же попытаться дать определение единой формулой, то литература – это вторая действительность, но созданная человеком. Действительность эта не зеркальная, а напоминающая отражение леса в воде. Согласитесь – лес в воде, это совсем не тот лес, который растёт на берегу. Если бы литература являлась только зеркальным отражением действительности, то это был бы лишь документ. А отражение леса в воде – это и документ, и в то же время элемент прошлого и элемент будущего. Почему? Да потому что это рождает фантазию. Вспомните сейчас берег и лес, отражённый в воде. Это же какое-то чудо, правда?

В. С. Конечно. Появляется другая глубина и самого пейзажа, и нашего восприятия его.

Ю. Б. Литература – это, можно сказать, тоже чудо. Вот есть слово «художество», которое сейчас мы довольно часто употребляем. Так вот, в древнерусском языке слово «худое» обозначало волшебство, колдовство и чудеса. Откуда это? Есть теория, мы этого наверняка не знаем, но всё-таки можем предполагать, что человек жил и многие десятки миллионов лет назад. Об этом говорят те предметы, которые найдены совершенно недавно, но возраст которых определяется миллионами лет. На этих предметах изображены – телескоп, операция на сердце и тому подобное. Вот и у меня иногда возникает такое чувство, что так, как мы сейчас сидим с вами, мы уже сидели многие и многие века назад. Такой же был Сдобняков, такой же Бондарев, и так же они разговаривали, а между ними лежал диктофон. Понимаю, мысль эта в некотором роде запредельная, но у меня иногда возникает ощущение, что всё уже на этой земле было. И технологии, которые нас поражают, как новые неведомые открытия, тоже были. Откуда? Существует теория, что на землю уже являлись некто, и всё необходимое для нашего существования передали первому человеку. Так вот – среди этих главных и жизненно необходимых знаний была и культура, и литература, как неотъемлемая её часть. Потому это и воспринимается как чудо.

В. С. Должен заметить, что главные проблемы в существовании человечества за эти тысячелетия не изменились и не нашли своего разрешения. Все они укладываются в соблюдение десяти заповедей, благодаря чему только и может существовать мир, существовать человечество. Ведь чувства руководят человеком. Они первенствуют, а не материальный мир со своими новейшими открытиями и изобретениями. А раз так, то должен у человека существовать механизм разбираться в них, этих чувствах, анализировать происходящее, исходя из их состояния и восприятия. Потому и не мог Господь, вдохнув в человека живую душу, оставить его без должного инструмента самопознания, которым выступило творчество. Литература же – одна из главенствующих частей этого инструмента.

Ю. Б. Да, наши чувства как бы культивированы. Например, если мы увидим зверя в лесу, то обязательно срабатывает инстинкт добытчика. Он тревожит, волнует нас. Но что происходит потом? Я бросил охотиться после того, как увидел плачущего лосёнка. Он стоял на подогнутых передних ногах, как на коленях, перед убитой лосихой, и из глаз его текли слёзы. После этого я решил для себя, что больше охотиться не буду. Так что же заставляет нас идти наперекор целесообразности ради чувства справедливости, сострадания, жалости? Это нравственные чувства, которые воспитывает литература, вообще, высокое искусство.

В. С. Потребность человека в настоящей литературе была всегда и останется навсегда. То, что происходит сегодня – это искусственное понижение значимости художественного слова. Да и вообще, слова, как высокого понятия. Вы посмотрите, как сейчас обращаются с языком, как его коверкают, сколько в печатных текстах и во всевозможных эфирах ненормативной лексики. Это же просто оскорбительно. В то же время настоящей литературе – высоко художественной и глубоко нравственной – чинятся всевозможные препоны. Её почти не издают, или издают совершенно крошечными, до неприличия малыми тиражами. После этого ещё утверждают – да кому она нужна, её никто не покупает. И ведь всё это делается сознательно, целенаправленно.

Ю. Б. Совершенно верно. В свои юбилейные дни я получил огромное количество писем от читателей – целый мешок. И эти люди читают достойную литературу, а не какой-нибудь суррогат. Но ведь в теперешних библиотеках, как они пишут, не всегда найдёшь нужную книгу. Из одного района жалуются, что во всех библиотеках смогли отыскать всего несколько моих книг. А мои произведения в Советском Союзе издали в общей сложности в двадцать пять миллионов экземпляров. Куда это всё делось, куда пропало? Так что потребность в нашей литературе есть, люди читают. Но вот что действительно грустно – из множества писем только десяток написаны молодыми людьми. В основном же это люди старшего поколения. Молодёжь, и

в этом вы правы, уже сильно развратили, растлили Интернетом, телевизором, нашими средствами массовой информации, которые ничего не стесняются показывать, ни о чём не стесняются рассказывать. А в молодые годы всё воспринимается чрезвычайно остро, доверчиво.

В. С. Юрий Васильевич, ведь вот вы и всё ваше поколение вошли в русскую литературу очень жёсткими, даже жестокими произведениями, в которых описывалась война со всей её неприглядностью – кровь, смерти, муки, разрушения, вой снарядов, грязь, голод, страдания.

Ю. Б. Да, наши произведения были очень жёсткими.

В. С. Но как они духовно поднимали, возвышали людей. Грязь, смерть, переживания делали их духовно и нравственно чище, возвышеннее. А сейчас много показывают и войны, и кровь, но всё это, наоборот, только понижает и развращает людей. И вот когда вы ещё раньше в нашей беседе заговорили о Толстом, я тогда подумал – как важно, какой посыл первоначально заложен в произведение его автором, из чего он исходит, когда его пишет. Юрий Васильевич, вы уже говорили, что для работы в литературе необходимы и опыт, и знания, и обладание техникой построения сюжета. А ведь когда вы сами писали свой первый рассказ, ничего из этого, или почти ничего, у вас ещё не было. Когда я перечитывал вашу первую повесть, то невольно задавался вопросом – откуда это всё у вас, как вы смогли справиться с навалившимся на вас материалом, как это всё преодолели, пережили, воплотили в художественное произведение? Помню, как меня потрясла ваша повесть «Батальоны просят огня». Но ведь вы её написали, будучи совершенно молодым человеком.

Ю. Б. А вы знаете, откуда всё берётся? Ведь это я же и у вас могу спросить. Всё начинается с какого-то одного, кажется, что случайно услышанного слова. За ним возникает следующее, третье, двадцатое и так далее и так далее. Это трудно объяснить. Но дело вот в чём – я думаю, что этот вопрос имеет и какое-то мистическое свойство. Ведь трудно объяснить порой, как написано то или иное стихотворение. Зачастую это почти невозможно. Разве что констатировать, что возникло какое-то настроение, затем мысль. Но вперёд всё-таки настроение. От одной мысли не может возникнуть стихотворение. «И звезда с звездою говорит» – это не от мысли. Лермонтов увидел звёздное небо, его мерцание, распадающиеся веером в осеннюю пору лучи звёзд и почувствовал, что они разговаривают. Не представил, не осознал, не придумал – почувствовал! А вот мне кажется, что разговаривают деревья. Три дня назад я смотрел на закат и вдруг заметил, что верхушки елей очень таинственно и нежно освещены угасающим светом. Произошло какое-то шевеление там вверху, может быть, от налетевшего ветерка, и в эту минуту мне показалось, что в каком-то чувстве эти деревья стали прикасаться друг к другу, словно плечами. Они будто говорили друг другу – прощай, солнце зашло, теперь будем ждать утра. То ли эти огромные ели были влюблены друг в друга, то ли ещё что-то между ними происходило, но ощущение их причастности друг к другу меня не оставляло в тот вечер. Но ведь это возникло чувство, а от него может пойти уже всё остальное – вплоть до нового философского осмысления происходящего вокруг нас. Ну а разве вас не удивляет, когда вы выходите в поле (не то, которое сейчас заросшее бурьяном и чертополохом, а настоящее, которое мы ещё помним живым, рождающим колос) и видите сказочное разноцветье рассыпанных по его краю цветов. Я хорошо знаю степь, люблю её, в моих «Мгновениях» очень много о ней пишу. Это поразительно, сколько разных цветов. Не просто зелёный, жёлтый, красный, а всё с переливами, оттенками. И я поражаюсь – почему всё так задумано, так происходит, с такой сложностью и красотой. Или тот же художник. Он подходит к холсту, бросает один мазок, затем другой краской следующий, и попробуйте мне объяснить, почему он рядом положил именно этот мазок, а не другой. Это загадка. Я у художников спрашивал, как происходит у них творческий процесс? Нет, не смогли ответить. Для них это тоже загадка. Вот и наша работа. Она и для самих нас чаще всего нечто неразрешимое, необъяснимое.

Музыка, напротив, мне понятно, откуда рождается. Это общение с вечностью, общение с космосом, общение с небом. Оттуда поступают, там рождаются какие-то лучи, частицы и устремляются к Земле. И находят человека – талантливого композитора, музыканта, сообщают ему это чудо-музыку, мелодию. Поэтому музыка – самая чистая, самая бескорыстная истина, которая не нуждается в объяснении. Ну попробуйте объяснить «Аппассионату» Бетховена, или произведения Чайковского. Словами вы сразу оскверните эту гениальную музыку.

В. С. Внешними объяснениями даже близко нельзя подойти к пониманию этих великих творений.

Ю. Б. Человек может наговорить только глупости – в смысле объяснительных слов относительно музыкальных произведений. Когда есть истина – святая, бескорыстная, не лукавая, не ложная – это не может не поражать, и прикасаться к ней грубым словом не следует. В этом я убеждён. Проза же, я думаю, связана с какими-то внешними, земными толчками. Вы идёте по улице и вдруг слышите постороннюю фразу. Она вас непосредственно не касается, но вы запоминаете её и даже думаете про себя – как хорошо сказано. Или напротив – как зло сказано. Но фраза эта в вас засела. Затем вы видите лицо человека, например, женское – с правильными красивыми чертами, с удивившим вас блеском в глазах, и у вас возникает какая-то мысль об этой женщине – кто она, чему радуется, с кем она. Так же в отношении мужчин. Очень часто я смотрю на лицо кого-нибудь из них и задаю себе вопрос – как бы он повёл себя возле орудия, когда на него идёт шесть танков. И я представляю, как. Всё это я вижу по лицу. Лицо, между прочим, очень о многом говорит. Я, например, по лицу могу угадать профессию человека. Так что рождение прозы связано вот с такими неожиданными толчками, с какими-то явлениями, которые происходят на ваших глазах, действиями, поступками, переживаниями.

В. С. Но удивительно то, что все эти случайности одного могут подтолкнуть к написанию «Берега» или «Горячего снега», а другого никогда. В этом заключается неведомое нам, не объяснимое для нас чудо. Это чудо называется – рождение художника.

Ю. Б. На это у меня тоже есть ответ. Знаете, мне кажется, что бы и кто бы ни говорил, но один из самых страшных пороков, распространённых в среде художников, это зависть. Почему? Потому что превосходство другого таланта, с одной стороны, порождает чувство соперничества, но, с другой, и бессилия, оттого, что невозможно заимствовать чужой талант. Потому зависть переходит в ненависть. А это страшное дело. Я глубоко убеждён, что заимствовать нельзя не только талант, но и его составляющие – смелость, великодушие, мужество, честность и т. д. Всё это уже есть в человеке, в его генах.

В. С. Иными словами – уже предопределено.

Ю. Б. Всё это корнями уходит в дальнюю даль. К прадедам нашим, за прадедов. Где-то, на каком-то периоде в роду был человек, который воспринимал природу не как дрова, а ещё и несколько иначе. Тоньше, любовнее, красочнее. У пишущего же человека должен произойти в определённом возрасте толчок, благодаря которому должно что-то возникнуть, чтобы заложенное в генах пробудилось в ином состоянии. Вот мой пример. Я очень обязан маме своей за то, что она с детства приучала нас, своих детей, которых у неё было трое, к литературе. Мама читала нам сказки, детские книги, много рассказывала. Затем мне повезло и с учительницей. Где-то в шестом или седьмом классе она нам дала задание – написать сочинение на тему, кто как провёл лето. Я его написал. И вдруг на уроке русского языка эта учительница зачитывает моё сочинение вслух. А затем после урока в коридоре она мне сказала: «Юра, у тебя что-то есть литературное. Поэтому, когда читаешь книги, то присматривайся, как писатель описывает природу, выстраивает сюжет». Я этого, конечно, всё равно не делал, но всё-таки и учительница что-то мне дала, что-то во мне пробудила. Но пробудила то, что уже где-то в глубине

меня самого жило. Ну а потом, после войны, вечерами, отдыхая от тех гулянок, на которых мы праздновали Победу (а нам тогда заплатили большие деньги за подбитые танки, выпить мы любили, привыкли к этому ещё с фронта, с ежедневных ста грамм фронтовых), оставался я один. И тогда что-то начало возникать в сознании, связанное с войной. И я написал первый свой рассказ. Так началась эта моя «болезнь», которая продолжается и по сию пору.

В. С. После первого рассказа дальнейший путь оказался predetermined, отказаться от него было уже нельзя. Не отпустило бы.

Ю. Б. Да, потом я написал повесть о войне, которую где-то потерял.

В. С. Значит, первую повесть читатели так и не увидели?

Ю. Б. Нет. Она была ученической, но в смысле конфликтов и в отношениях героев было всё правильно, правдиво, как на войне. Так что я думаю, всё приходит оттуда, издалека. Литературный институт, который и я закончил, писать никогда и никого не научит. Я учился в семинаре Паустовского. Это был замечательный человек. Я до сих пор отношусь к нему с глубоким почтением. Он приучил нас любить слово. Он зачитывал нам вслух какие-то произведения Пришвина, Булгакова, а затем размышлял, спрашивая и нас, почему, например, в этом тексте использован именно такой эпитет. И ещё вот что было одним из самых главных – Паустовский приучал нас начинать писать рассказ только тогда, когда мы понимали, что уловили настроение. И у меня много было написано рассказов-настроений. То есть это что-то в рассказе происходит, но это должно быть написано с настроением.

В. С. Неравнодушно.

Ю. Б. Да.

В. С. Когда вы учились в Литературном институте, уже ощущалось какое-то писательское расслоение не только по художественному таланту, но и по политическим предпочтениям, пристрастиям? Ведь один пришёл в литературу по зову своего таланта, другой по зову совести, третий, что это престижно и можно хорошо зарабатывать, быть на виду, тешить своё тщеславие. Спрашиваю, исходя из того, что именно из этого поколения писателей затем пришли в политику те, кто рушил Советский Союз.

Ю. Б. Нет, материальной стороны в тогдашних предпочтениях студентов литинститута не чувствовалось. Но было видно – одним глубокий литературный труд, вдумчивая работа со словом «ложились на душу», им это нравилось, и они в нём преуспевали. Это совпадало с их мыслями, их миропониманием. Другие считали это лишним, сентиментальным. Но я убеждён в другом – главное для писателя – это работать, работать и ещё раз работать. Как только писатель перестаёт работать, так он и теряет все свои профессиональные качества. А работать надо даже тогда, когда этого не хочется. Не то чтобы заставлять себя. Нет. Но ведь стол – это магнит. Стоит за него сесть, написать несколько фраз, и эти написанные фразы уже заставляют тебя двигаться дальше, думать.

В. С. А страх перед чистым листом бумаги вы испытываете, когда начинаете писать своё новое произведение?

Ю. Б. Есть такое. Одно время я это переживал даже очень серьёзно, месяца два ничего не мог писать. Но в итоге я этот страх поборол. Тогда мне казалось, что всё то, чем я занимаюсь, что делаю, это не то и не так. В мои годы Толстой написал то-то и то-то, Чехов другое. Но потом это состояние прошло. И прошло не через усилие, а как-то плавно, незаметно. Но эти периоды пустоты, сомнений, видимо, неизбежны и бывают почти у каждого пишущего.

В. С. Можно ваше творчество разделить на три определённых периода? Я понимаю всю условность этого деления, но всё-таки. Первый – это ваша военная проза до «Горячего снега». Второй, где война смешивается с современной действительностью – «Берег», «Выбор». В третьем периоде вы полностью уходите в «кипучую современность» – «Искушение», «Бермудский треугольник», «Без милосердия».

Ю. Б. Можно так, конечно, разделить. Хотя война у меня присутствует практически во всех романах. Разве что в самых последних её нет. Но это потому, что сюжеты книг слишком далеко ушли от того времени. Если бы я ввёл в них какие-то военные сцены для более яркого углубления героев, для их характеристик, чтобы читатели их больше полюбили или, наоборот, возненавидели, то это выглядело бы немного искусственно. Ну, например, я совершенно не представляю, где можно было бы ввести военные сцены в «Бермудском треугольнике». Или в «Без милосердия».

В. С. Но вообще в ваших романах есть две особенности. Всегда потрясающе достоверно описана война, и столь же достоверно, проникновенно, сердечно – любовь.

Ю. Б. Да, война – всегда потрясение.

В. С. Юрий Васильевич, и в заключение несколько слов напутствия нашим читателям.

Ю. Б. Я хотел бы сказать только одно. Как только человек отстраняется от литературы, он теряет очень многое в самом себе. Потому что литература – это не только познание внешнего мира, внешней жизни. В первую очередь, это познание самого себя. Если литература никак не воздействует на читателя (а такая литература есть), это пустая литература только для самовыражения. Поэтому читать надо хорошие книги, находить для этого время, отрывать его даже от сна, от любимого многими телевизора, от Интернета и от прочих вещей современной технологии, которые рождают в человеке не действие, а инертность мышления, поступков, отношения к жизни и ожидание, что кто-то за нас за всех что-то сделает. Поэтому читайте, любите книгу и великую русскую литературу.

Беседа наша подошла к концу. Нас уже не единожды и настойчиво звали на первый этаж дома к обеденному столу. Мы встали с Юрием Васильевичем с кресел, походили немного по просторному кабинету. В большие окна были видны оголённые стволы стоявших в снегу яблонь. В окно у письменного стола заглядывали любопытные ветки старой ели, увешанные коричневыми упругими смолистыми шишками. Покой, одухотворённость, задумчивость. И тут я спросил хозяина кабинета:

– Почему одно окно совсем небольшое и круглое, словно иллюминатор на корабле?

– Заметил! – радостно воскликнул Юрий Васильевич. – Точно. Так я же в молодости мечтал стать моряком.

И заулыбался.

Я тоже чему-то обрадовался. А потом подумал. Мечтал быть моряком, а стал артиллеристом и писателем. Видимо, так Юрию Васильевичу Бондареву было на роду написано – жизнь свою долгую положить на то, чтобы Родину защищать. Вот он эту свою заботу и несёт с честью сквозь всю свою жизнь.

Московская область, п. Ватутинки. 10 апреля 2009 г.

В предчувствии апокалипсиса

Вторая беседа с писателем Юрием Васильевичем Бондаревым

Валерий Сдобняков. Юрий Васильевич, я хотел бы вам задать в этой нашей с вами беседе далеко не радостные вопросы о страшных испытаниях, выпавших на долю нашей страны в прошедшем веке, да и в нынешнем тоже. Но когда шёл к вам сюда, на Ломоносовский проспект, то всё-таки решил сделать себе небольшой праздник и прогуляться по своим любимым местам около МГУ. И вот там надумал – пусть мой первый вопрос будет о радостном, о вашем детстве, когда вы были совсем маленьким и даже не подозревали, какие испытания готовит вам жизнь. Вспомните о том далёком, но, может быть, самом счастливом дне.

Юрий Бондарев. До сих пор ясно помню знойный полдень, июль, горячий песок обжигает пятки, Урал блещет, сверкает, как расплавленное серебро, он весь в фонтанах искр, в радужных брызгах купающихся, повсюду ликующий детский смех, радостные крики – воскресный день на сказочной реке, куда мама привезла меня порезвиться в прибрежном песке и, конечно, в воде. Помню несказанное наслаждение барахтаться и кувыркаться на мелководье, куда допускала меня мама, наблюдая за мной с берега. Я упирался ручонками в дно, бултыхал ногами, изображая плавание взрослых, и, ожидая одобрения, смеясь, смотрел на маму, следившую за мной счастливыми, порой тревожными глазами. Это был детский рай, где я подолгу играл с пескочниками, пытаюсь поймать их ладонями, а они тёмными стрелками мелькали подо мной, их быстрые тени отражались на песчаном дне незабвенного Урала...

Да было ли всё это? В каком столетии? Сколько было мне тогда лет? Года три?

В. С. А первый день на фронте, как и чем вам запомнился?

Ю. Б. Мой первый день на фронте – это железный скрип снега под ногами, встречный ледяной ветер, обжигающий до колючей боли лицо, почти срывающий с головы ушанку, одревеневшие пальцы в рукавицах, ошпаривающее свирепым холодом железо нашего орудия. И первая ночь – подобие сна на снегу, на ветру, под горящими в косматых кругах сталинградскими звёздами в чёрном небе. Тогда мы были молоды, полны надежды и веры, и нами владело неисчезающее чувство: скорее, скорее на передовую! И было потом первое утро войны, когда в кромешном аду перемешались небо и земля, орудия и танки, неузнаваемые лица солдат и пикирующие «Юнкерсы».

В. С. В таком случае, каким же был последний день?

Ю. Б. О последнем дне войны я не раз писал в своих романах. В тот незабвенный май торжествовала в душе радость победы, гордость за свою страну, которая родила тебя и сохранила, радость жизни, молодости, нерушимое фронтовое товарищество, казалось, данное навечно, ожидание долгожданной встречи с отчим домом, счастье от скорой встречи с родными людьми.

В. С. Да, тема войны буквально преследовала ваше творчество до самого последнего романа. Только в «Без милосердия» вы к ней не обратились. Слишком далеко от неё ушли события наших дней. Хотя и в «Мгновениях», и в публицистических статьях вы вновь и вновь возвращаетесь к тем тяжёлым и судьбоносным годам для нашего народа. Значит, что-то в той войне, хоть и минуло с её начала семьдесят лет, не даёт вам покоя?

Ю. Б. В интервью, которое я в своё время в ФРГ хотел взять у фельдмаршала Манштейна, был главный вопрос: «Что он подумал, когда понял, что его танковая группа уже не

прорвётся на выручку окружённой шестой армии Паулюса». А прорыв этой армии из плотного кольца советских войск был для немцев важнейшей целью в Сталинградской операции. Я сейчас выскажу одну давнюю мысль, которую не использовал в романе «Горячий снег», потому что, с одной стороны, она мне показалась слишком публицистичной, с другой, видимо, не хотел, чтобы она кого-то шокировала. Но эта мысль главная, как мне кажется, для понимания стратегической сути Сталинградской битвы. Так вот, если бы контрудар Манштейна был бы осуществлён успешно, то немцы надёжно закрепились бы на Кавказе, а это обстоятельство отодвинуло бы сроки окончания войны не на месяцы, а на годы.

В. С. Я такой оценки ранее нигде не встречал, даже в мемуарах наших полководцев.

Ю. Б. Это моя мысль. Я много думал об этом контрударе, как участник тех самых судьбоносных боёв. Сам выбивал танки Манштейна. Это была величайшая битва из всех битв в истории человечества. Западные исследователи войн часто вспоминают крепость Ля Рошель во Франции, которая держалась несколько месяцев, и это будто бы самая героическая крепость в истории войн. Чепуха! Сталинград держался двести дней, да ещё против какой силищи, какого врага. Так вот, операция окружения, которая была очень умно, досконально продумана немцами, осложнялась для нас ещё и тем, что Сталинград был весь в развалинах, нам просто не за что было укрываться. Но зато после того, когда был отражён контрудар армии Манштейна, и когда немцы начали отступать, именно тогда мы все почувствовали, необъяснимо как, каким-то солдатским нутром, что это начало разрешения войны, начало нашей победы, мы окончательно поверили в свою силу. К тому времени у нас уже было прекрасное вооружение – семидесяти миллиметровые орудия, которые могли выбивать немецкие танки на расстоянии 800–1200 метров. Но мы подпускали их ближе – на 300–500 метров. Потому что, если издали промахнёшься, то ответным огнём, а у немцев были великолепные прицелы, расчёт могли уничтожить. Этот опыт приходил не сразу, со временем, но приходил. Точно так же, как только когда мы уже подходили к Днепру, то догадались снимать со своих пушек щиты. Вроде бы они должны были защищать нас от пуль противника. А какие там пули, когда мы стреляли по танкам прямой наводкой. Эти щиты в бою только мешали и, главное, демаскировали нас. В итоге, мы все их сняли. Я был первым, кто предложил это сделать.

В. С. Ваша батарея, это факт известный из вашей биографии, подбивала немецкие «Тигры». Страшная машина?

Ю. Б. Подбивали мы не только «Тигры», но Сталинградскую оборону прорывали именно эти танки. Что такое прямой выстрел? Это когда снаряд летит без траектории, напрямую. Но только так по этим машинам и можно было бить. «Тигр» – сильный танк времён Второй мировой войны. Но и наш Т-34 никому не уступал, несмотря на то, что у «Тигра» броня была толще, и чтобы его вывести из строя, нужно было бронебойным снарядом попасть в зазор между подвижной башней и корпусом. В эту крошечную щель. Только тогда башню заклинивало, и танк становился уязвим. Тут всё зависело от наводчиков, которые были нашими спасителями, нашими победителями. Командир батареи определяет прицел, а наводчик ставит его и выбирает точное место на цели, куда надо «влепить» снаряд.

Вообще к тому времени у нас были хорошие бронебойные снаряды, бронебойно-зажигательные, осколочные, термитные. Именно в Сталинграде мы особенно почувствовали, что наша промышленность восстановилась и полностью готова снабжать армию необходимым оружием. Она работала просто гениально. Оружия было даже в избытке. Нас при стрельбе уже не ограничивали сорока снарядами (и не больше!). Мы могли их выпустить и шестьдесят, и сто – стреляли, пока снаряды подвозят. Собственно, поэтому мы и выиграли Сталинградскую битву, в которой окончательно решалось – или нам погибнуть, или победить. Поэтому Сталинград и остался во мне навечно.

В. С. Вы видели танковые бои?

Ю. Б. Ну а как же. И главное ощущение от этого было всегда одно – грандиозное зрелище. Во время таких боёв мы только «вылавливали» выдвинувшиеся немецкие танки и били по ним – в бок, по моторам, по гусеницам, под башню. А вообще это как бы другая война. Танки двигаются в таком бою, как муравьи растревоженного муравейника – каждый ловит танк противника на прицел, бьёт в него из пушки в упор, делает всякие манёвры. Тут наши Т-34 были лучше. Очень маневренный, «реактивный» танк.

В. С. Все батальные сцены в ваших романах и в фильме «Освобождение» взяты из пережитого и перечувствованного?

Ю. Б. И режиссёр картины Озеров, и я всё это видели, поэтому ничего придумывать нам не приходилось.

Сейчас у нас хотят украсть Победу. И при этом забывают, что союзнички к нам присоединились только в сорок четвёртом году. Однако все лавры они хотят навесить на себя. Молодёжь на Западе думает, что это Америка победила Германию. Единственное, когда был жив Черчилль, он о наших победах всегда отзывался положительно, а это был авторитетный политик в мире. Сейчас же мелочь всякая кричит, раздирая голосовые связки, что победили во Второй мировой войне они. Нет, победили мы своим мужеством, своей кровью.

В. С. Юрий Васильевич, война такое страшное чистилище, но и она же породила целую плеяду хороших, талантливых писателей, таких как Виктор Некрасов...

Ю. Б. Он первым написал о Сталинграде. Я его очень ценил, мы с Виктором были близкими друзьями. Когда он приезжал в Москву, то обязательно звонил. Он не любил встречаться дома, и мы с ним заваливались в ресторан, там сидели допоздна. Это был настоящий мужик без всякой писательской фанаберии. А в нашей братии достаточно мусора – вы сами знаете. Виктор был лишён беспощадной писательской ревности, которая зачастую переходит в зависть, ну а там и до ненависти недалеко. Я это ощутил на себе.

В. С. Кроме Некрасова, были и другие хорошие, талантливые писатели.

Ю. Б. Константин Воробьёв. Я был с ним в прекрасных отношениях. Он был серьёзно ранен, контужен. Во время войны – разведчик, и вообще, много всего выпало на его долю. Незаконченный роман Воробьёва «И всему роду твоему», написанный всего на одну треть, а может быть и меньше, обещал многое. Это книга о судьбе фронтовика.

Были Евгений Носов, Виктор Курочкин (о котором Леонид Леонов говорил: «Копнул на один штык. Надо бы ещё поглубже копнуть»). Большое дело сделал Константин Симонов, о войне он сказал глубоко и честно. Может быть, не всегда, как этого хотелось нам, но всё равно это очень талантливый человек. Первая часть «Живых и мёртвых» не вызывает никаких возражений. Вторая часть – там уже пошло...

Вообще, мы должны быть ему благодарны: военную тему он не оставил почти до самой смерти. Он много сделал для справедливого воздаяния, должного нашей армии. Я с ним не сошёлся близко. Мы пытались сблизиться, всё-таки оказались соседи по даче. Как-то он приглашал меня на обед, всё было хорошо, по-доброму, но не произошло того дружеского сближения, которое у меня было с Виктором Некрасовым, Константином Воробьёвым. Так бывает, не всегда люди сходятся. Нагибин меня просто возненавидел, когда на его приглашение прийти в гости я ответил отказом. Нет, к Нагибину у меня было определённое отношение...

В. С. Это ещё тогда, в советские времена?

Ю. Б. До перестройки... И он просто готов был меня к стенке поставить за то, что я не принял его приглашения. Мне передавали то, что он обо мне говорил. Он не здоровался со мной, когда мы встречались на аллее в нашем дачном посёлке. Так себя вести просто невозможно. Поэтому негрубо, тактично (я не сказал ему, что он далёкий, чуждый для меня человек) я отказался.

А вообще, не будем мы ни о ком плохо говорить – кто с кем, как да почему. Пусть им, ушедшим, земля будет пухом.

Но Симонов ничем не запятнал себя в жизни, никого не предал. Он вёл себя всегда достойно.

В. С. Когда вы встречались с Некрасовым, то вспоминали с ним Сталинград?

Ю. Б. Знаете, о войне почти не говорили. Много говорили о литературе. Войну мы не вспоминали потому, что он знал её хороню, я тоже. Что же нам обсуждать, о чём друг другу рассказывать? Как и почему остались живы? Кто это сможет объяснить? Это было покровительство Бога, решение какой-то высшей силы, которая помиловала нас, помогла нам выжить. В «Мгновениях» я написал, что жизнь мне была спасена ранением.

В. С. Потому что погиб ваш расчёт?

Ю. Б. Нет, расчёт не погиб. Вообще много погибло солдат в течение боёв, но наш расчёт остался цел. В Сталинграде исчез один человек. Куда он делся – не знаю. Этот солдат был правильным. У станины есть специальные рукоятки, и при команде, например, «танки справа», правильные, взявшись за эти рукоятки, должны были повернуть орудие в окопе в необходимую сторону. Ведь в войну ещё не было таких автоматических орудий, как сейчас.

В. С. Есть в нашей литературе – Виктор Астафьев. Становление его творчества, его известность – всё это происходило на ваших глазах. Вы можете что-то рассказать об этом писателе?

Ю. Б. Я уже писал о нём что-то в одной или двух статьях, повторяться не буду. Мне не хочется о нём и говорить-то. Я его, если быть совершенно откровенным, и подымал. Я его вроде и приласкал, и говорил о нём, когда прочитал первые его вещи. Я думал, поддерживая Астафьева, что вот парень из провинции, интересный, надо ему помочь. Но потом мы как-то отошли друг от друга.

В. С. Это ещё в семидесятые годы?

Ю. Б. Раньше, в середине или в конце шестидесятых.

В. С. Читая ваши статьи, я всегда отмечал для себя, как тактично вы пишете о своих коллегах. Но представляю, сколько неблагодарности вам пришлось пережить.

Ю. Б. У Астафьева хватило то ли совести, то ли выдержки, то ли ещё какого-то человеческого качества, но он никогда в открытую со мной не спорил. И не спорил, когда мы с ним редко, но разговаривали по телефону.

В. С. Всё-таки объективно считал, что «правда за вами»?

Ю. Б. Вы прочитали его «Прокляты и убиты»?

В. С. Да. Поэтому я вас и спросил об Астафьеве.

Ю. Б. Ну и что? Как вы относитесь к этому произведению?

В. С. Довольно плохо. Потому что, когда люди попадают в такие тяжёлые условия, которые описывает Астафьев в «Чёртовой яме», или когда они участвуют в кровопролитных боях, какие он описал в «Плацдарме», то, конечно, и подлость, и благородство выходят более ярко на первый план в человеческих отношениях. Но с такой лютой ненавистью описывать одних, изображать их даже не зверями – людоедами, у которых каждая клеточка плоти пронизана подлостью и мерзостью и, наоборот, с жалостью, как рабов без воли, других – то в таком произведении, я могу это сказать сразу, нет правды. Мир сложен, в нём много всего переплетено. То же самое и в человеке. Злоба и любовь, благородство и предательство в нём живут где-то очень рядом друг с другом, и поэтому описание в одной плоскости человеческих поступков меня всегда при чтении такой прозы останавливало, настораживало. Я переставал ей верить. Я понимал, что здесь скрыта неправда.

Ю. Б. Да, так это и есть в обществе. В моём романе «Бермудский треугольник», в котором описана сегодняшняя наша общественная среда, есть размышления об этом. Конечно, очень жаль, что с Виктором так произошло.

В. С. Ведь, кроме уже названных нами писателей, были и другие, тоже рождённые войной и писавшие о войне. Например, Богомолов.

Ю. Б. Очень хороший писатель. Кого ещё вспомним?

В. С. Кондратьев.

Ю. Б. Нет, это совсем другое. Вы посмотрите его стиль.

Кто бы ни был для меня писатель, но плохой стиль его письма меня сразу от него отталкивает.

В. С. А его повесть «Сашка»?

Ю. Б. Ну, так... ничего...

В. С. Как возникли «Мгновения»? Я увидел у вас тетрадь, в которой записаны отдельные мысли, замечания, которые не вошли в окончательные варианты романов. Так «Мгновения» – это не такие же отрывки?

Ю. Б. Нет, это совершенно самостоятельные произведения. И я очень рад, что та сила, которая мне покровительствовала на фронте и благодаря которой я остался жив, послала голубой лучик в моём направлении, и у меня появилась мысль о «Мгновениях», о написании коротких вещей лирико-философского склада. Мне хотелось, чтобы эти короткие рассказы несли в себе большую смысловую нагрузку, которую можно было бы высказать и в романе, но лучше уместить её в небольших произведениях. Я рад, что такая мысль, как абсолютно самостоятельного творческого явления у меня появилась.

В. С. Возвращусь к тому несостоявшемуся интервью с Манштейном. В когда-то поверженную Германию вы приехали десятилетия спустя уже известным русским писателем, которым стали после войны и, как ни кощунственно это звучит, благодаря ей?

Ю. Б. Писателем я почувствовал себя не сразу, даже когда после публикации повести «Батальоны просят огня» прочитал в первой статье о «Батальонах» хвалебную фразу: «Утром Бондарев проснулся знаменитым».

В. С. Вы можете сказать, кто из классиков русской литературы оказал на вас, ваше творчество наибольшее влияние?

Ю. Б. Люблю Чехова с детства. Но этот великий классик, конечно, не единственная моя любовь. Без Пушкина, Льва Толстого, Бунина, Лермонтова, Тургенева, Шолохова нет русской литературы.

В. С. Я заранее хочу попросить у вас извинения, Юрий Васильевич, за вопрос, который, конечно же, очень личный. Если вы не хотите, то можете на него не отвечать, но я вам его всё-таки задам. После того, как вам пришлось столько пережить, увидеть столько смертей, горя, человеческих страданий, а потом всё это ещё раз пропустить через своё сердце, воплощая в художественные произведения, – после всего этого вы стали человеком религиозным, верующим?

Ю. Б. Художественное творчество и религиозное чувство настолько близки и настолько тайны, что коротким ответом в журнале или газете берёшь неискупимый грех на душу.

В. С. В сегодняшнем мире происходят не только политические и социальные, но и невиданные ранее природные катаклизмы. Основы, вроде бы, стабильных, и не самых бедных государств потрясают социальные взрывы. Ощущение беспокойства, мятежности охватывает всех людей планеты – бьют по городам, всё разрушая и сметая на своём пути, огромные волны – цунами. Невиданная жара обрушивается на все континенты Земли, вспыхивают гигантские пожары, которые превращают в пепел города и сёла. И вот новое, трудно объяснимое, бедствие – одновременно в нескольких странах Северной Африки вспыхивают бунты, народные волнения, больше напоминающие психоз. И во всех этих катаклизмах гибнет множество людей – десятки и сотни тысяч. Появляются калеки, обездоленные и злые. Что же происходит с нами и с планетой? Как вы, писатель, чей талант художника и мыслителя глубоко признан во всём мире, оцениваете происходящее? Насколько во всём этом виновато само человечество, и есть ли выход из создавшейся ситуации? Не отголоски ли это тех военных катаклизмов, что пережило человечество в XX веке?

Ю. Б. История – не сумасшедший бег, подгоняемый реформами в некую страну обетованную, где царит блаженство неопишное и текут реки сладчайшие. Более того, когда желанная свобода, демократия, равенство и политика ускоренно превращаются в обещательно-расхожие лозунги нервных прогрессистов, всё становится лицемерием и появляется мысль: не приютившиеся ли это под древними лозунгами и фразами лжебратство, навязанной политики?

Быстрота... Быстрота в изобретении атомного, биологического, геотектонического и прочего смертельного оружия не принесли человечеству ни мира, ни облегчения. Эта быстрота военной реализации напомнила, что каждому на земле приготовлен билет не в бессмертие, а в одноместное купе – и каждому готов плацкарт только туда – в скорбное направление, где уже нет ни любви, ни ненависти, ни красоты, ни безобразия, а останется только физическая пустота, уже никем на обугленной земле непознаваемая.

Вспоминаю лихорадочную поспешность реформы армии, в том числе нашего главного сдерживающего вооружения – тяжёлых ракетных войск, затем сокращение офицерского корпуса, уже значительно сокращённого, затем прекращение набора курсантов в военные училища на ближайшие два года. На встречах в академиях и воинских учреждениях мне не раз говорили об этой странной, недальновидной политике, и тревожно возникали мысли о сверх меры опасном разоружении, если к этому присовокупить желание России вступить в НАТО, когда по статусу этой организации следует раскрыть секреты своего силового потенциала. Надо думать, что если будет допущен ряд уступок, как это было в прошлых переговорах, и если ракетный арсенал России будет сокращён до удовлетворяющей «друзей» численности, то победителей в будущей войне не будет – одержит победу планетарный ужас человеческих жертв. Вот это и есть дьявольское торжество апокалипсиса. Военным политикам России, познавшей сполна

кровавые купели, надобно сомневаться на переговорах тысячу и один раз и через роковые «да» – «нет» и «нет» – «да» бесповоротно приходиться к мужественно-взвешенному решению во имя жизни на земле.

В. С. Время конца XIX и начало XX веков сейчас выглядят для нас как предостережение этому же периоду в жизни человечества в XX и XXI веках. Слишком много в этих периодах схожего. Только в наше время сюда добавляется страшное оружие массового уничтожения, современные химические и ядерные технологии, которые усложняют не только взаимоотношения человека с природой, но и человека с человеком, государства с государством. Ведь никто не может чувствовать себя в безопасности на нашей планете. Ведь даже если в твоей стране нет убивающего всё живое химического производства, или разрушенной атомной станции, то происходящие, пусть даже за тысячи километров, губительные процессы всё равно тебя настигнут, отразятся на твоей жизни, на твоём здоровье и здоровье твоих потомков. Нет ли во всём этом некоторого предчувствия апокалипсиса? Как оцениваете это вы – воин, художник, мыслитель?

Ю. Б. Да, нас оглушали либеральными криками о «новой» и «возрождённой» России. В последние двадцать лет исчезло удивление и непонимание «при виде того, что совершается дома». Вместо накрепко и поспешно запертых школ, библиотек, разрушенных детских садов, яслей, не говоря уже о стыдopodobном количестве бездействующих заводов, более 800 закрытых научно-исследовательских институтов и уехавших за границу 100 тысяч учёных, в «новой ЭРФ» никак незаметно ничего значительного, «новорождённого», кроме внешних, особенно, поразительных перемен в Москве. Издавна уютная Москва, столица крупнейшего государства со своей историей и архитектурой, выглядит ныне чудовищно загромождённым автопарком, забитым миллионами иностранных машин, городом, заклеенным, завешанным из конца в конец пошловатыми рекламами, объявлениями, вывесками наполовину чужестранного происхождения. В прессе засилье тошнотворного слова «секс», которое бесстыдно употребляется и варьируется в журналах и газетах, а с улиц и площадей ушло что-то милое, родное, любимое, незабытое моим поколением, как не забыто и прежнее весело-спокойное выражение лиц и глаз соотечественников, ставших устало-равнодушными, отчуждёнными.

В. С. Историю вспять не повернуть. Технический прогресс овладел нами настолько, что кажется – человеку невозможно вырваться из его железно-пластиковых объятий. И всё-таки, слава Богу, земля не оскудела мыслящими людьми. Только смогут ли они предложить человечеству спасительный выход из сложившейся ситуации?

Ю. Б. В политике (как и в литературе) даже выдающийся замысел – ещё не реализованный сюжет. Наиболее древние формы русского сознания – это духовность, справедливость, любовь, верность, религия, защита родной земли, своей колыбели. Это незаменимые путеводные ориентиры в любом замысле серьёзного политика. Поэтому в дни неудач и несчастий только душевное равновесие сохраняет волю и мужество. Нам в последние годы уже не однажды изменяло это ценнейшее качество – мужественное равновесие, совершенно необходимое для обдуманных стойких решений.

В Библии сказано: три существа не оставляют следа – птица в воздухе, рыба в воде и женщина... Но в подлунном мире нет ничего непогрешимо абсолютного, кроме того, вписавший в святую книгу личную строку, надо думать, знал о женщинах нечто своё. Тем не менее, уже не сомневаясь, следует сказать, что в умах государственных мужей всевластно царит политика, прокладывая на земле несчастливый след.

Имея в виду современное состояние мира, на первый взгляд, есть как бы спокойные страны, наподобие Канады, но рядом с ней шевелятся государства с выпукло угрожающими ликами и манерами, в которых таится не библейское «око за око», а изготовленная агрессив-

ность, неутолённая жажда военной мощью и заговорами подчинить единой воле человечество.

Повсюду, куда шагнула нога контуженного своей особой избранностью американца, упорно и кроваво внедряется американопослушание, американомыслие, и интригами, заговорами, наконец, силой насаждается «диктатура демократии на вынос» в американской железно-пластиковой униформе, способной удушить в объятиях «свободы».

Современный мир находится сейчас в пограничном положении «или-или», и состояние тревоги и беспокойного ожидания владеет людьми.

Атомное и новое усовершенствованное вооружение, геотектоническое, биологическое, климатическое вооружение, созданное в тайных лабораториях и, скорее всего, уже испытанное в разных местах планеты – катастрофа в Японии, в просторах океана, в Мексиканском заливе, сокрушительные цунами на берегах Америки (Новый Орлеан), гибель отдельных островов, глобальные пожары, в том числе в России.

Вместе с этим, непрекращающиеся разговоры в учёном мире о возможном, в течении десятилетия, взрыве Солнца со всей солнечной системой, в связи с быстрым повышением температуры и разогрева ядра (от 27 до 50 млн градусов), загадочная гибель сотни тысяч птиц и пчёл в разных странах, возможная остановка Гольфстрима и замерзание Европы, тайна физической пустоты, угроза мирового голода... И это далеко не всё, что нависло страшной опасностью над человечеством. Люди, будьте бдительны!

В. С. В чём вы видите наше спасение? Осталась ли ещё возможность остановить надвигающуюся на человечество трагедию?

Ю. Б. Где же спасительный выход из сложившейся ситуации? Остановить надвигающуюся на мир трагедию способны лишь великая наука и все мы, земляне, вставшие на защиту человеческого существования. Как это сделать действительно сейчас и завтра? Думаю, никто из живущих ныне гениев науки точно ответить пока не сможет.

В. С. Значит, вы не верите в то, что идеи гуманизма, слово художника могут спасти современный мир? Вы не верите, что современная художественная культура способна нас вывести из тупика?

Ю. Б. Художественная культура переживает сейчас тяжёлую пору, ибо вседозволенность беспредельно царствует в так называемом художественном творчестве. Сама правда изображается вкось, ложь, без малейшего стеснения, играет на подмостках жизни роль правды; грязная аморальность с наглой смелостью надевает на себя чистые одежды морали; пошлый натурализм, скабрёзность, бессовестная порнография властвуют на телевидении, в кинематографе, на книжном рынке, выдавая себя за современную культуру.

Но всему бывает конец и, как говорили древние, одна волна уничтожает другую, а ветер меняет направление...

Но когда?..

Москва. 21 июня 2011 г.

Блокада пронизывает всё моё творчество

Это интервью с известным поэтом, писателем и общественным деятелем Олегом Николаевичем Шестинским я записал незадолго до его кончины. Судьба свела нас с ним в 2003 году. С тех пор мы множество раз встречались и очень крепко подружились. Приезжая в Москву, я часто останавливался у Шестинских на их переделкинской даче. Она совсем рядом с дачами Б. Л. Пастернака и Андрея Вознесенского. После ужина мы уходили с Олегом Николаевичем на второй этаж, в его рабочий кабинет (моя гостевая комната была рядом) и там часами разговаривали о современной литературе, о классике, истории... и конечно, о войне, о блокаде, все 900 жестоких дней которой Шестинский прожил в Ленинграде. Об этом он написал замечательные, потрясающие своей правдивостью книги.

Если смотреть со стороны – О. Н. Шестинского можно считать баловнем судьбы. Он рано начал издаваться, и ещё совсем молодым человеком был принят в Союз писателей СССР. Затем руководил Ленинградской писательской организацией, был секретарём Союза писателей СССР по работе с молодыми авторами, объездил чуть ли не весь мир, написал десятки книг, получил множество наград – орденов и литературных премий. Но, как оказалось, за внешним благополучием много всего скрывалось. Потому это откровенное и последнее в его жизни интервью имеет свою особую цену.

Валерий Сдобняков. Вы, Олег Николаевич, своими стихами в удивительное время вошли в русскую литературу. Это были пятидесятые годы прошлого века. Только что окончилась страшная по своим разрушениям и людским страданиям, самая кровопролитная в истории человечества война. Город вашего детства, Ленинград, пережил жесточайшую, голодную блокаду. Сотни тысяч людей заплатили за это своими жизнями. Все страшные девятьсот дней вы были в городе – жили в нём, вместе со всеми голодали, мучились от холода... Но минули жестокие испытания. На смену им в вашу жизнь вдруг вошли стихи. Как же это произошло? Что за люди вас тогда окружали? Кто были вашими учителями, наставниками в поэзии? Вообще, что за литературная атмосфера была в городе на Неве, когда увидела свет, пришла к читателям ваша первая книга стихов?

Олег Шестинский. Судьба моя сложилась так, что ещё во время занятий в литературном кружке в ленинградском Дворце пионеров я стал писать (не хочу хвастаться, но это было именно так) очень хорошие стихи. Я их до сих пор ценю как одни из лучших своих стихов. Хотя мне было, когда я их сочинял, всего-то лет пятнадцать. Руководил этим кружком очень интересный писатель, ныне, к сожалению, почти забытый Глеб Хмельницкий. Он проявил ко мне особое внимание, потому что ему нравились мои юношеские опыты в поэзии. А о чём мог писать тогда юноша? Невольно прорезывалась в стихах, нарастала в них тема России. Трагической России. Как же иначе. Заканчивалась война. Наши родные, отцы и братья ещё где-то очень далеко от Ленинграда проливали свою кровь. Для того, чтобы представить, какие строки тогда рождались в моём сознании, что я не хвастаюсь, высоко оценивая их, прочитаю одно стихотворение той далёкой поры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.